

РАЗДЕЛ II. ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 341.462.2

«ЖУРНАЛИСТ, КАК И ДИПЛОМАТ, ОБЯЗАН СБЛИЖАТЬ ЛЮДЕЙ». ИНТЕРВЬЮ С В.В. БОНДАРЕНКО **«A JOURNALIST, LIKE A DIPLOMAT, OBLIGATED TO BRING PEOPLE CLOSER». INTERVIEW WITH V.V. BONDARENKO**

Редакция «Вестника МГУТУ» предлагает своим читателям интервью с одним из опытейших журналистов Белоруссии Вячеславом Васильевичем Бондаренко. Помимо журналистской деятельности В.В. Бондаренко известен как сценарист кино- и телефильмов, как художественных, так и неигровых, писатель, мастер исторической биографии. Вячеслав Васильевич отмечен целым рядом высоких премий: кавалер Патриаршего знака «За вклад в развитие русской литературы», кавалер Карамзинского креста, лауреат премии президента Белоруссии «За духовное возрождение» и всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский».

Редакция «Вестника МГУТУ» обратилась к специалисту высокого класса, предложив ему поделиться с учащимися и преподавателями секретами профессии, а также идеями относительно предназначения и нравственных императивов профессии журналиста. Интервью у Вячеслава Васильевича Бондаренко по заданию редакции брала ответственный секретарь «Вестника МГУТУ» Анастасия Евгеньевна Чернова.

Анастасия Чернова: Уважаемый Вячеслав Васильевич, давайте начнем с азов: с образования современного журналиста. Какими знаниями, в каких областях и в каком объеме должен владеть человек, избравший своей профессией журналистику? На что в первую очередь стоит здесь обратить внимание тем, кто только собирается пойти по этому пути?

Вячеслав Бондаренко: Думаю, в первую очередь — на общий уровень знаний журналиста, на его, простите за банальность, элементарную грамотность и начитанность. Потому что можно прекрасно владеть новейшей техникой, великолепно выстраивать кадр, уметь выуживать из собеседника нужные сведения — и при этом быть чудовищно безграмотным и некомпетентным. А такое сочетание в журналистике недопустимо. Поэтому профильные дисциплины — это хорошо, но в первую

очередь журналист должен быть интеллигентным человеком. Человеком, который действительно понимает, что происходит в мире, и готов сам быть автором событий, а не просто «диктофоном на ногах»: куда послали, то и снял, а что я об этом думаю, я и сам не знаю. К сожалению, такого в последнее время много.

А.Ч.: Какие идеалы существуют в этой области? Какие «заповеди», профессиональные и нравственные, должен соблюдать журналист?

В.Б.: Все те же, что и раньше: журналист, как и дипломат, в идеале обязан сближать людей, а не разобщать их, и помогать обществу стать лучше, а не хуже. И, конечно, не забывать об ответственности, которую он несет за сказанное им и написанное. Слово журналиста уже в XIX столетии рушило страны, достаточно вспомнить французскую революцию 1830 года, которую начали именно журналисты. А сегодня, когда каждый благодаря Телеграму и другим социальным сетям «сам себе журналист», эта ответственность возрастает в разы. К сожалению, мы все чаще видим, что журналистское слово именно убивает, а не спасает. Но тут уже у каждого своя голова на плечах, насильно никто никого нигде не держит.

А.Ч.: Для начинающих журналистов важны и полезны подсказки, советы от людей, много лет успешно работающих в этой сфере. Какие практические советы вы могли бы дать студентам, обучающимся на факультетах журналистики, людям, которые только начинают познавать секреты этой профессии?

В.Б.: Обязательно нужно быть в курсе основных событий, происходящих в мире, не абстрагироваться от них. Это очень тяжело, в том числе эмоционально, но необходимо. Следует выработать четкую позицию: где я, с кем и зачем, к чему это может привести, что это даст мне и другим людям. Не стоит обращать особое внимание на мнения других — на всех не угодишь, а на каждый роток не накинешь платок. И, как это ни банально звучит, нужно побольше читать, причем не информационный мусор в интернете, а русскую классику. Именно она помогает избавиться от многих современных штампов в речи, не говоря уже об откровенных языковых ляпах. Кроме того, идеал русского журналиста — Пушкин, не стоит забывать об этом.

А.Ч.: Коснемся сферы преподавания журналистики студентам. Что вы могли бы предложить, например, в плане методик, подходов, технологий?

В.Б.: На мой взгляд, лучшее, что можно предложить в этом смысле, — это живое общение с практиками, теми, кто находится сейчас в гуще процесса. Хотя такие люди не всегда могут сформулировать теоретически то, чем они занимаются, их советы очень ценны. Для пишущего журналиста лучшая практика — это, конечно, написание учебных материалов. Пусть это будет пока еще неумелое написание неуклюжих и банальных текстов, но только так и нарабатывается мастерство и собственный стиль. Полезно вести собственный Телеграм-канал, это хороший метод для того, чтобы «набить руку». Для снимающего журналиста, телерепортера опять-таки лучшее обучение — экранная практика, работа в кадре.

А.Ч.: Поговорим о вашем собственном творчестве с связи с одной актуальной и острой проблемой современного общества. В фильме «Анатомия террора» вы показываете, что терроризм связан с медийностью. Не будет широкого отклика, волны популярности, внимания общества — террористы не достигнут в полной мере своих целей. Как быть с этим явлением? Правильна ли была и возможна ли сегодня тактика замалчивания совершенного кем-то и где-то теракта? А если нет — то существует ли какой-то способ разорвать эту губительную связку?

В.Б.: Это очень интересная проблема, и первым ее поднял еще в конце 1970-х годов Юрий Трифонов. Он вообще первым из советских писателей занялся историей терроризма — от народовольцев до современных ему западногерманских левых. В его дневниках много записей о том, как терроризм связан с современными медиа, что это, в сущности, гордиев узел, который никак не разрубить. И сейчас эта проблема по-прежнему не решена. Почему мы думали, что в Советском Союзе не было никакого терроризма? Только потому, что об этом не писали в газетах. А ведь теракты время от времени происходили — были и захваты заложников, и угоны самолетов, и стрельба сбежавших из части солдат по прохожим, и взрывы в метро, и покушения на глав государства... Но кто об этом знал? Только те, кто оказался рядом. И, думаю, в 1950–1980-х годах такая тактика в государственных СМИ была абсолютно верной — в стране не возникало паники, истерии, люди не начинали настороженнее относиться друг к другу. И наоборот, когда была упразднена цензура, народ дал тому, что хлынуло на страницы газет и журналов, на экраны телевизоров, емкое определение — чернуха. Я прекрасно помню, какое угнетенное психологическое состояние возникло в конце 1980-х, когда началась «гласность» и газеты начали наперебой печатать материалы об авариях, катастрофах, терактах, убийствах. Создавалось

впечатление, что все катится в пропасть, что на улице невозможно выйти. Во многом оно так и было, учитывая, что дело шло к развалу СССР, но создавали этот гнетущий, безнадежный фон именно журналисты.

Но если еще в 1990-х годах террористы зависели от установок СМИ, то теперь нет. У них есть собственные каналы общения с публикой, перекрыть которые практически нереально. Можно, конечно, никак не освещать теракт в новостях, но террористы расскажут о нем сами, причем в выгодном им свете, и у людей, у общества возникнет ощущение, что власти «что-то скрывают». К тому же СМИ питаются сенсациями, и неужели можно себе представить, что они прошли бы мимо, скажем, трагедии в Москве на Дубровке в 2002 году, мимо любого взрыва в метро?.. Тем более сегодня, когда снятые очевидцами на смартфоны кадры с места событий появляются в интернете мгновенно, гораздо быстрее, чем происходит реакция каких бы то ни было СМИ. И это уже не журналистика, это просто любопытство прохожего, которое становится как бы журналистикой... Так что думаю, что проблема медиаподсветки терроризма останется вечной, пока существуют терроризм и СМИ. Недаром многие европейские террористы 1960-х годов сами были журналистами и прекрасно знали, как именно выгоднее «продать» себя. А сейчас... Ну не отнимешь же у всех телефоны.

А.Ч.: А что вы думаете о таком явлении, как раскол современного российского общества на сторонников «красной идеи», советской идеологии и условных «белых», приверженцев старой, дореволюционной императорской России? Все чаще отголоски этого раскола попадают на страницы СМИ и в телепередачи, и в тех же СМИ все чаще звучат идеи о примирении «красных» и «белых», призывы к этому. Как вы оцениваете реальность и необходимость подобного «примирения»? Возможно ли оно сейчас и вообще?

В.Б.: Как любая идея, нацеленная на замирение, а не на разжигание конфликта, в своем корне она, конечно, хороша. Но это в теории, как и вечный зов кота Леопольда «Ребята, давайте жить дружно». На практике — ну какое может быть примирение между Христом и дьяволом, между теми, кто строит храм, и теми, кто его рушит? Гражданская война в России никогда не завершалась формально, не было какой-то массовой капитуляции белых армий, переговоров и т. д. Петр Николаевич Врангель эвакуировал из Крыма огромное количество своих соратников и никогда не признавал себя проигравшей стороной, он продолжал борьбу до конца. Кроме того, феномен Гражданской войны в России никогда толком не исследовался, не изучался именно с точки зрения преодоления ее последствий, интеграции так называе-

мых «белых» в структуру нового государства, прививания им новых ценностей и т. п. В этом смысле наша Гражданская уникальна и коренным образом отличается от американского, испанского вариантов. Проблему просто замалчивали и делали вид, что ее не существует, а тем, кто пытался об этом говорить, отвечали: не надо ворошить прошлое, не надо педалировать. И в итоге выработался абсолютно четкий перекокс.

Мы и сейчас видим дискриминацию в отношении памятников лидерам Белого движения. Достаточно взглянуть на таблички с названиями русских улиц — это сплошные Ленины, Войковы, Урицкие и Бела Куны. А попробуйте сейчас назвать улицу именем Врангеля, Колчака или Деникина — и вы увидите, с какими трудностями столкнетесь. Памятник на месте гибели Лавра Георгиевича Корнилова оскверняли и разрушали уже больше десяти раз. Корнилов погиб больше века назад, но до сих пор одно его имя вызывает у кого-то звериную ненависть!.. Впрочем, о чем тут говорить, если в феврале 2021 года шла ожесточенная дискуссия о том, кому ставить памятник в Москве на Лубянке, и люди всерьез сравнивали заслуги святого благоверного князя Александра Невского и одного из наиболее отталкивающих палачей!.. Так что все это живо, это страшная незажившая рана в истории России. Эта рана продолжает болеть и сейчас, особенно на фоне Специальной военной операции, событий на Украине. Ведь они, в сущности, тоже порождение распада великой России и последовавшей за ним Гражданской войны. Так что никакого «примирения» в ближайшей перспективе не предвидится, это просто красивая формула для речей во время открытия памятников или исторических форумов. Конечно, это печально, но журналист и историк должны быть правдивы и объективны, их цель — анализ ситуации, а не безоговорочное принятие той или иной позиции.

А.Ч.: Возможно, неожиданный вопрос о музыке. Одна из ваших ранних книг посвящена истории рок-музыки. Не утратила ли рок-музыка сегодня свое звучание и актуальность? Может ли она дать что-то полезное подрастающему поколению?

В.Б.: Эта книга написана давно, молодым человеком, для которого рок-музыка была одной из форм протеста против позднесоветской действительности, формой эскапизма. Сейчас на нее, конечно, смотришь другими глазами. Эта ветвь западной поп-культуры сыграла заметную роль в формировании эстетики 1960–1970-х годов, там были действительно крупные культурные достижения, к тому же сделанные совсем молодыми людьми. Но уже сейчас понятно, что на этом, в сущности, история рок-музыки и завершилась, дальше пошел упадок и воспроизведение уже существовавшего в новых формах. Так что сейчас это

либо ностальгия, либо музыка для небольшого числа молодых чудаков, опять-таки ностальгирующих по тому, чего они не знали и знать не могли в силу возраста. Знать какие-то основные этапы развития рок-музыки, классические произведения, конечно, стоит — это часть современной культуры, в которой образованный человек, тем более журналист разбираться обязан. Но при этом стоит помнить и о том, как живые классики рок-музыки, например, Мик Джаггер или Пол Маккартни, относятся к России.

Ну а что касается так называемого русского рока, то это просто эпигонство, любительщина от людей, когда-то услышавших «Битлз». За неимением лучшего в стране они стали широко известны у нас, активно участвовали в развале СССР изнутри и в новой России были признаны классиками. А закончили эти люди, по крайней мере многие из них, тем, что прокляли свою страну, отреклись от нее и сбежали на Запад. Это вполне логичный исход для Макаревича, Гребенщикова и им подобных. Они всегда были эпигонами западной культуры и этого не скрывали. Ничего интересного в этом нет, а вот поучительного — много.

А. Ч.: Благодарим вас за это интервью, Вячеслав Васильевич!